

Л.И. Бабенко

ДВА МОНЕТНЫХ СЮЖЕТА НА ИЗДЕЛИЯХ ГРЕКО-СКИФСКОЙ ТОРЕВТИКИ

В статье приведены два случая возможного заимствования монетных сюжетов на предметах греко-скифской торевтики — пекторали из Толстой Могилы и золотых пластинах головного убора из песочинского могильника.

Ключевые слова: скифы, торевтика, пектораль из Толстой Могилы, древнегреческие монеты, песочинский могильник.

Следствием тесных греко-скифских контактов стало проникновение в скифскую среду огромного количества предметов торевтики — как изделий, изготовленных массовым тиражом, так и уникальных высокохудожественных шедевров, орнаментированных разнообразными образами и сюжетами, репертуар которых вышел далеко за пределы традиционного скифского искусства. Однако очень многие образы, украсившие предметы торевтики, являлись произведением не самостоятельного творчества художников по металлу, а были заимствованы ими из других источников, прежде всего, из нумизматического материала. На подражания античным монетам различных городов, прежде всего, при изготовлении золотых бляшек, указывали многие исследователи [Толстой, Кондаков, 1889, с. 113; Ростовцев, 1925, с. 443—449; Шелов, 1956, с. 140; Онайко, 1970, с. 46—49; Алексеев, 1987, с. 32—38; Королькова, 1998; Мозолевский, Полин, 2005, с. 392—410; Трейстер, 2005, с. 504; Полин, 2016 и др.]. Использование монетных сюжетов не ограничивается кругом пластинчатой аппликации, а прослеживается и на других изделиях художников по металлу [Манцевич, 1949; Болтрик, Трейстер, Фіалко, 2009, с. 46].

Перечень подобных заимствований можно дополнить еще двумя случаями практически

дословного воспроизведения монетных сюжетов, нашедших воплощение в изделиях торевтов. Первый случай представлен одной из сцен верхнего фриза пекторали из Толстой Могилы, а именно — фигуркой коровы с головой, повернутой к сосущему вымя теленку (рис. 1, 1). Скульптурная группа расположена слева (для зрителя) от центральной сцены и является составной частью «табунного bestiaria» верхнего фриза. В целом, табунными животными предметы торевтики украшались очень редко. Помимо пекторали из Толстой Могилы, их можно увидеть еще на одной пекторали из Большой Близницы и на серебряной амфоре из Чертомлыка. Иногда эти сюжеты относят к категории сцен «кочевнического быта», как бы списанных непосредственно с природы и свидетельствующих о знании художника по металлу нюансов хозяйственного уклада заказчиков своей продукции — скифов.

Сам Б.Н. Мозолевский, считал сцену с коровой и сосущим ее теленком исключительно редкостной. По мнению исследователя, единственной аналогией этому изображению являлась такая же сцена на стеклянном (обсидиановом) скарабеоиде из нимфейского кургана V в. до н. э. № 24 1876 г. (рис. 2, 4) [Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 2], что, в свою очередь, могло свидетельствовать о причерноморском происхождении самой пекторали [Мозолевский, 1979, с. 214].

Однако Н.А. Онайко подвергла критике подобные выводы, указав на то, что скарабеоид был привозным, а сам сюжет, не получивший распространение в Северном Причерноморье, является очень древним и «долго пользовался популярностью в искусстве разных народов, в том числе и у древних греков». Отметив большую самобытность близкой по содержанию

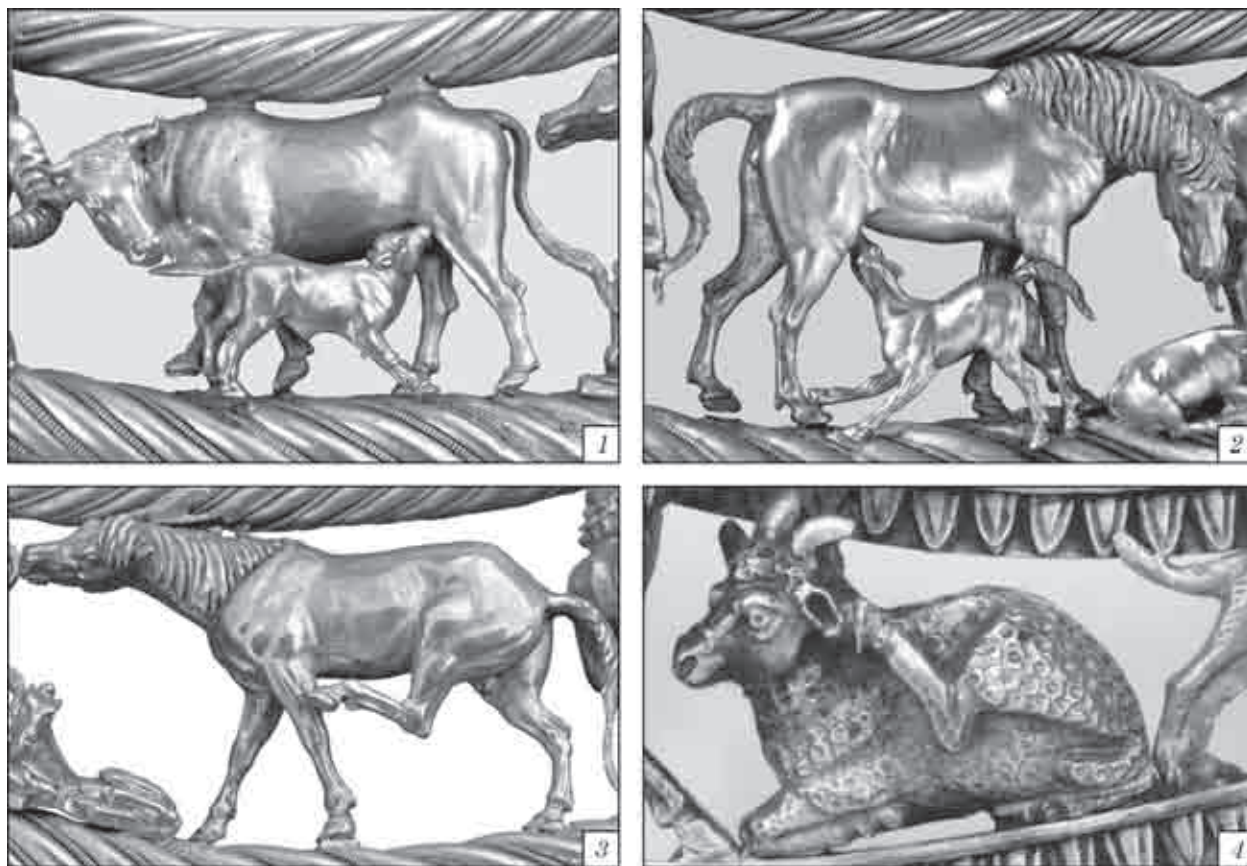

Рис. 1. Фрагменты пекторалей с изображением животных: 1—3 — Толстая Могила [Мозолевский, 1979, рис. 71, 72]; 4 — Большая Близница [Калашник, 2014, с. 190]

сцены пекторали — лошади с сосущим ее жеребенком — исследовательница сопоставила ее с изображением оленихи с олененком на пластине из Семибратних курганов (рис. 2, 3) [Онайко, 1982, с. 256].

Г.Н. Курочкин параллели сценам кормления самкой детеныша на пекторали находил на изделиях II — начала I тыс. до н. э. из Северного Ирана (Митанни, Марлик-тепе) и Афганистана (рис. 2, 2) [Kurochkin, 1993, p. 389, fig. 34, 1b—d], что, несомненно, свидетельствуют о глубоких корнях этого сюжета. Сцены кормления газелью детеныша можно увидеть также и на трех плакетках из Зивие — двух из Аббег-музея и одной из Метрополитен-музея (рис. 2, 1) [Луконин, 1987, с. 225]. Однако вследствие значительной хронологической лакуны едва ли приемлемо рассматривать эти изображения в качестве прототипа, оказавшего влияние на замысел мастера.

В то же время можно указать на гораздо более близкие хронологически и территориально аналогии этому сюжету. Речь идет об изображениях на аверсах монет целого ряда греческих городов. Впервые монеты с изображением сцены кормления теленка коровой начали чеканить на Керкире (Корфу) еще с VI в. до н. э. (рис. 3, 1, 2). С V в. до н. э. этот сюжет получил еще более широкое распространение и его можно увидеть на монетах Аполлонии, Диррахии, Каристоса [Plant, 1979, 936, 936d, 1671] (рис. 3,

3—8). Принимая во внимание массовый характер чеканки монет, можно предположить, что представленные на них сюжеты послужили прототипом для воссоздания аналогичных сцен — и не только на пекторали из Толстой Могилы, а и на других украшениях, в частности, на предметах глиптики¹.

Как справедливо заметила Н.А. Онайко, сцена кормления жеребенка кобылицей встречается гораздо реже (рис. 1, 2)². Поэтому, если сцену кормления теленка коровой можно рассматривать как своеобразную «реплику» монетного сюжета, но исполненную в иной технике и на более высоком художественном уровне, то сцена кормления жеребенка кобылой представляет своеобраз-

1. Помимо отмеченного Б.Н. Мозолевским и Н.А. Онайко скарабеоида из кургана № 24 Нимфейского некрополя, такую же сцену можно видеть на сердоликовой инталии V в. до н. э. из Государственного Эрмитажа (инв. № ГР-20762). В этом же музее хранится халцедоновая ионийская инталия V в. до н. э., на которой вырезана олениха, кормящая олененка (инв. № ГР-20764) [<https://www.hermitagemuseum.org>].

2. Похожим сюжетом орнаментирована более поздняя серебряная бактрийская чаша III в. до н. э. из Соликамского уезда Пермской губернии (рис. 2, 5) [Смирнов, 1909, табл. XL, 69; Тревер, 1940, с. 90—92, табл. 25, 26]. Интересно, что К.В. Тревер фигуры лошадей на чаше соотносила с изображениями коней на сельвкидских монетах Антиоха II [Тревер, 1940, с. 37].

Рис. 2. Сцены кормления самками детенышей: 1 — костяная плакетка из Зивие, Метрополитен-музей [<http://www.metmuseum.org>]; 2 — нижняя часть золотого сосуда из Марлик-тепе [Луконин, 1987, с. 224]; 3 — серебряная пластина из к. 2/1875—76 гг. группы Семибратних курганов (фрагмент) [Артамонов, 1966, табл. 113]; 4 — перстень из к. 24/1876 г. Нимфейского могильника [Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24, 2]; 5 — серебряная чаша из Соликамского уезда Пермской губернии [Тревер, 1940, табл. 25, 26]

разную «творческую переработку» этого сюжета мастером пекторали. Необходимость близкой по содержанию сцене была обусловлена логикой структуры композиции пекторали, в которой сюжеты сцен левой стороны противопоставлены сюжетам правой стороны, образуя ряд парных оппозиций [Раевский, 1985, с. 198]. В этом случае, по одну сторону от центральной сцены верхнего фриза были размещены лошадь с лежащим жеребенком и корова, кормящая теленка, по другую сторону — сцены противоположного содержания — лошадь, кормящая жеребенка и корова с лежащим теленком.

Не исключено, что и идея сцены с изображением лошади, которая «задней ногой массирует локоть передней» [Носков, 1973, с. 207, 208], «отбивается от мух» [Мозолевский, 1979, с. 87] или «чесется» [Балонов, 1994, с. 18] (рис. 1, 3), также могла быть позаимствована из нумизматических сюжетов. Так, на серии монет из Эретрии изображена корова, тянущаяся задней ногой к своей морде [Plant, 1979, 1759] (рис. 3, 9, 10). В этом случае мастером пекторали был

изменен вид животного — коровы на лошадь. Интересно, что сцену подобного содержания — козла, лежащего с поднятой вверх к уху задней ногой — изобразил *другой* мастер пекторали из Большой Близицы (рис. 1, 4) [Калашник, 2014, с. 190], переработав уже сюжет украшения из Толстой Могилы.

Несомненно, указанные сцены могли быть «срисованы» художником непосредственно и с кочевнического быта. Однако в пользу «нумизматического» генезиса этих сюжетов могут свидетельствовать два фактора — устойчивая традиция в среде торевтов использования монетных сюжетов в декоре своей продукции в целом, а также высокая степень влияния на структуру композиции пекторали и отдельные ее сюжеты собственно древнегреческого искусства, что отмечалось многими исследователями. Наиболее зримо подобные заимствования проявились в наследовании изобразительных фризов пекторали скульптурным композициям фронтонов Парфенона [Мозолевский, 1979, с. 216, 217], растительным композициям [Мелю-

Рис. 3. Монеты с изображением сцен кормления теленка коровой (1—8) и коровы с поднятой задней ногой (9, 10) (1, 2 — Керкира; 3, 4 — Диррахия; 5, 6 — Аполлония; 7, 8 — Каристос; 9, 10 — Эретрия. Фото [https://www.cngcoins.com/])

кова, 1979, с. 204, 205; Pfrommer, 1982, S. 156—159; Jacobson, 1995, p. 118; Schwarzmaier, 1996, S. 127; Gebauer, 1997] и многими другими элементами. Что, в свою очередь, наглядно отражает среду, являющуюся для мастера пекторали источником вдохновения при создании своего шедевра.

Второй случай заимствования торевтом монетного сюжета можно увидеть на паре орнаментных золотых пластин от женского парадного головного убора, обнаруженного в погребении 1 кургана 8 Песочинского могильника на Харьковщине (рис. 4, 1—4) [Бабенко, 1999, с. 87, рис. 1, 2; 2002, с. 60, рис. 1, 2; 2004, рис. 2, 2; 2005, с. 122—124, рис. 16, 1, 6, фото 12]. Параметры этих пластин, их описание и аналогии

представленным сюжетам и образам приведены в указанных выше публикациях. Поэтому акцентируем внимание на отдельных моментах.

Узор песочинских пластин во многом, иногда до мельчайших деталей, аналогичен орнаментальному фризу метоиды / диадемы из Куль-Обы (рис. 5, 1а, б) [Древности ..., 1854, табл. II, 3; Уильямс, Огден, 1995, кат. 85]. При этом композиции куль-обинской и песочинских пластин имеют два заметных отличия (не считая верхнего ряда шестилепестковых розеток куль-обинской метоиды). Сюжет обеих песочинских пластин идентичен и в общих чертах представлен центральным миксаморфным персонажем, по обе стороны которого расположены морские чудовища и, далее, — две многолепестковые пальметки.

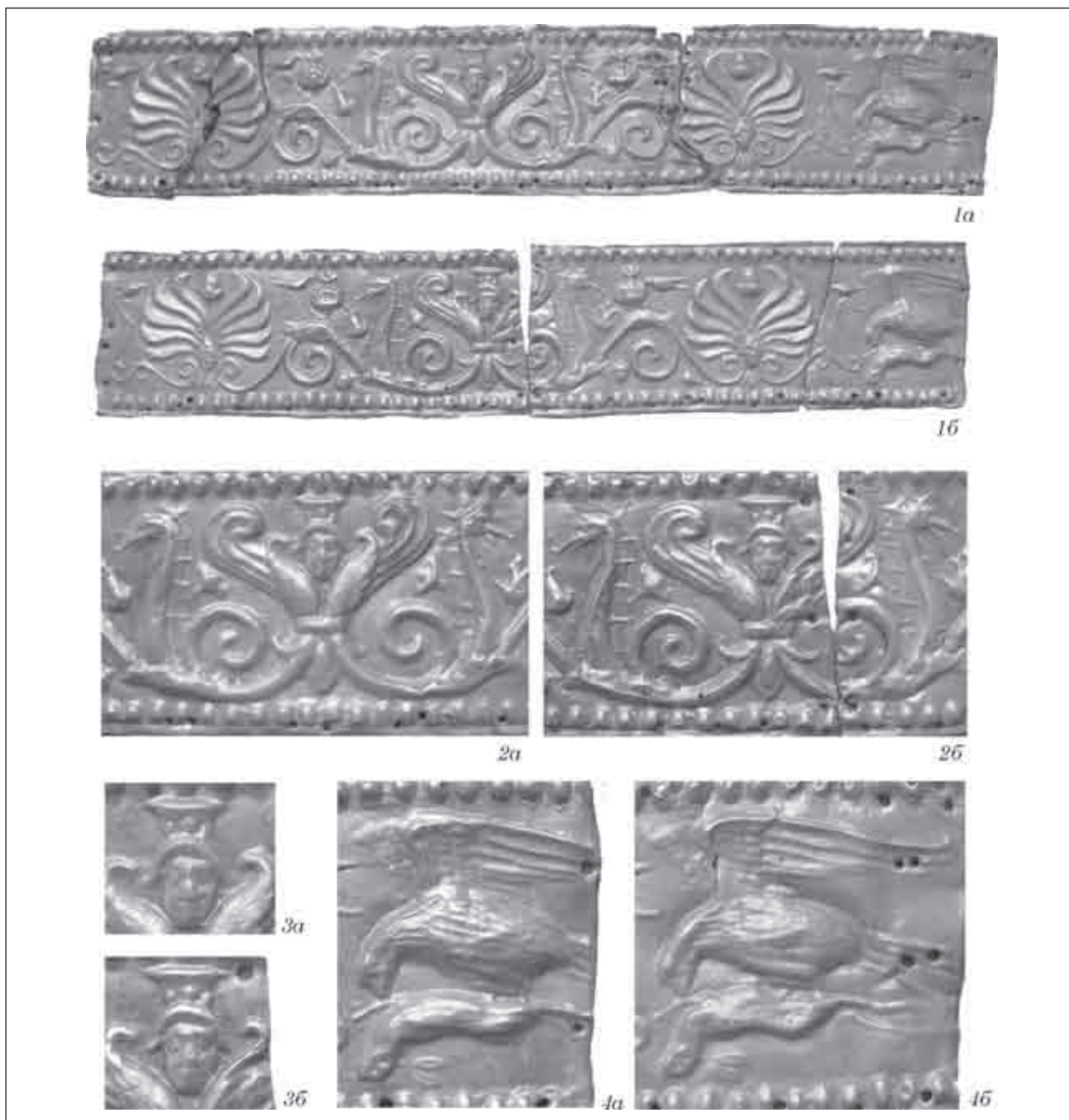

Рис. 4. Золотые пластины (1а, б) и их фрагменты (2—4) головного убора из к. 8, п. 1 Песочинского могильника. Харьковский исторический музей, ЛБЗ-335, 336. Фото автора

Куль-обинская метопида представлена сплошной пластиной, на которой указаный композиционный сюжет (пальметка-миксаморфный персонаж-пальметка¹) был оттиснут дважды — по обоим краям пластины. В центре пластины был оттиснут еще один миксаморфный персонаж, благодаря чему удалось получить ритмично чередующийся ряд пальметок и «прорастающих божеств». При этом для изображения полной версии миксаморфного персонажа в центре не достало места, и морское чудовище расположено только по левую сторону от него.

1. Можно предположить, что именно эта композиция была вырезана на матрице, используемой для получения оттисков.

Второе — более заметное — отличие состоит во включении в композицию песочинских пластин сцены терзания орлом лежащего на спине зайца (рис. 4, 4а, б). Выполненная в иной — предельно реалистичной — манере и нарушающая ритмику остальной композиции пластины (что особо отчетливо заметно при сравнении с куль-обинской метопидой), сцена терзания зайца орлом едва ли является случайным включением торефта в общий сюжет пластин. Данная сцена может поспособствовать более глубокому пониманию как созданной композиции в целом, так и составляющих ее образов.

Ю.Б. Полидовичем и Г.Н. Вольной, подробно изучившими изображения зайца в скифском ис-

Рис. 5. Золотая метопида / диадема из Куль-Обы: 1а — Древности ..., 1854, табл. II, 3; 1б — Уильямс, Огден, 1995, кат. 85

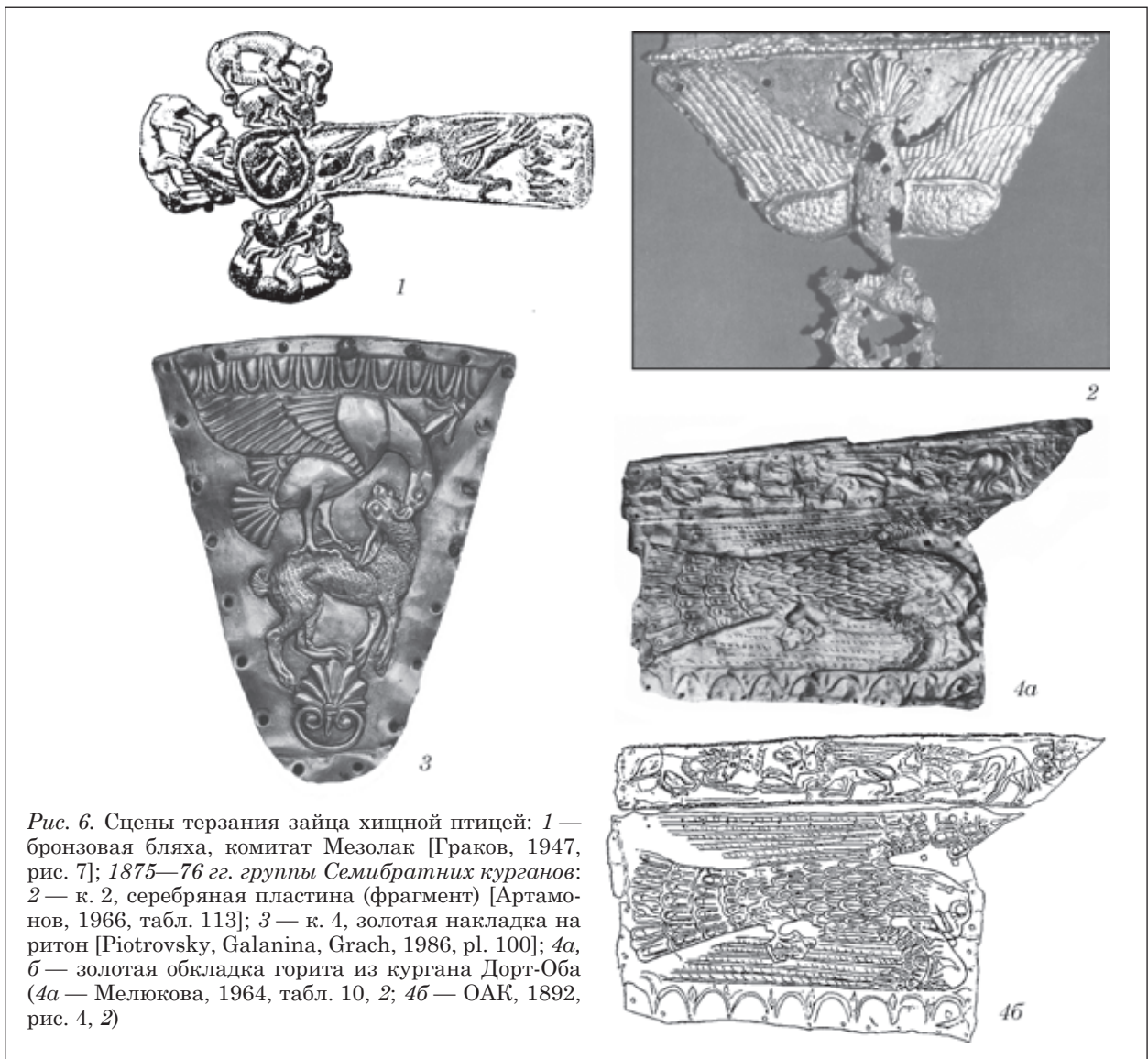

Рис. 6. Сцены терзания зайца хищной птицей: 1 — бронзовая бляха, комитат Мезолак [Граков, 1947, рис. 7]; 1875—76 гг. группы Семибратних курганов: 2 — к. 2, серебряная пластина (фрагмент) [Артамонов, 1966, табл. 113]; 3 — к. 4, золотая накладка на ритон [Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986, pl. 100]; 4а, б — золотая обкладка горита из кургана Дорт-Оба (4а — Мелюкова, 1964, табл. 10, 2; 4б — ОАК, 1892, рис. 4, 2)

Рис. 7. Монеты с изображением сцен терзания зайца хищной птицей; Акрагас, Сицилия. Фото [<http://www.wildwinds.com/>]

кусстве, было выделено четыре группы сюжетов, одна из которых представлена сценами нападения или терзания зайца хищной птицей (орлом?) [Полидович, Вольная, 2005, с. 421, 422, 428, 429]. Данная группа включает пять самостоятельных изображений (включая песочинские пластины) на предметах V и IV веков до н. э. (рис. 6, 1—4) [Полидович, Вольная, 2005, с. 436]. Несмотря на сюжетную близость, во всех случаях композиции каждой из сцен имеют отличное, не похожее друг на друга, воплощение. Поэтому можно утверждать наличие спроса на предметы с подобными сценами при отсутствии устойчивой иконографической традиции сюжета. И, в случае необходимости, тореут самостоятельно искал приемлемый образ для воплощения этой сцены.

Такой же оригинальный вид — в сравнении с другими случаями — имеет и сцена терзания зайца орлом на песочинских пластинах. Но в то же время она является подробнейшей репликой такой же сцены, которую в различных вариантах можно увидеть на монетах сицилий-

ского Акрагаса, чеканившихся в последней четверти V в. до н. э. (рис. 7, 1—8) [A Catalogue..., 1876, p. 9—12]. Совпадают не только фигуры лежащего навзничь зайца и стоящего на нем с распростертыми вверх крыльями орла, но и более мелкие детали, такие как характер моделировки оперения птицы. Можно предположить, что тореут для воплощения необходимой сцены воспользовался уже готовым сюжетом, увиденным им на одной из монет Акрагаса.

В подавляющем большинстве случаев обратная сторона монет из Акрагаса содержит изображения различных представителей морской фауны — моллюсков, креветок, крабов, рыб, а также Скиллы — морского чудовища греческой мифологии¹. Подобный акцент на морской тематике в контексте использования сюжета терзания зайца орлом на песочинских пластинах подчеркивает морскую составляющую морфологии миксаморфного существа, распо-

1. Подробнее об этом персонаже см. прим. 2 на с. 37.

ложенного в композиционном центре пластин (рис. 4, 2а, б).

Синкретичность морфологии этого персонажа, сочетающего в себе антропо-, зоо-, орнито- и фитоморфные признаки, обусловила и множественность его трактовок. Часть исследователей видят в нем женское мифологическое существо — «крылатую змееногую богиню» [Мирошина, 1981, с. 52; Бабенко, 1999, с. 87; 2002, с. 60; Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 95], «рукокрылую богиню» [Клочко, 1982, с. 42], «полуантропоморфное божество с головой женщины, крыльями птицы и побегами аканфа вместо ног» [Бабенко, 2005, с. 122—124], «змееногую богиню» [Гуляев, 2013, с. 153], «Rankenfrau» [Трейстер, 2001, с. 150] или «Rankegöttin» [Трейстер, 2009, с. 425]. Часть — близкий ей по функциям андрогинный персонаж — «мужское бородатое божество» [Уильямс, Огден, 1995, с. 142, 143], «бородатый мужской персонаж с крыльями», «Владыку звезд» [Шауб, 2007, с. 153, 154], бородатую Афродиту [Ustinova, 2005, р. 76—78]. Окончательному предпочтению «женской» или «мужской» атрибуции этого персонажа препятствует схематичность черт его лица. Существо действительно имеет удлинённый овал лица, который при желании можно трактовать как «бороду» (рис. 4, 3а, б), но все же ее длина заметно уступает явным андрогинным персонажам близкого ряда [Бессонова, 1983, рис. 10, 1—4]. При этом морфология персонажа на куль-обинской и песочинских пластинах заметно отличается от крылатых андрогинных божеств отсутствием рук. И напротив — близка представительной серии именно женских фантастических персонажей¹. Поэтому вопрос о «женской» или «мужской» сущности этого персонажа остается открытым.

В последнее время ряд исследователей откажутся от традиционной трактовки подобного образа как «змееной богини», считая его не имеющим отношения к скифской мифологии. Персонажи подобного рода, именованные как «Rankenfrau», «Rankegöttin» или «прорастающая дева», связываются непосредственно с греческой культурной традицией [Буйских, 2006, с. 140; Скржинская, 2010, с. 206; Журавлев, Новикова, 2012; Стоянов, 2013; Журавлев,

Новикова, Шемаханская, 2014, с. 102—110]. Морфология божества из куль-обинской и песочинских пластин отличается очень зримым синкретизмом, одновременно сочетая выразительные растительные и животные признаки, характерные персонажам этого круга.

Фантастические существа, расположенные по обе стороны от божества, являются своеобразными ответвлениями от одного из растительных побегов и, одновременно, нижними его конечностями. В этих персонажах видят гиппокампов [Мирошина, 1981, с. 52; Michel, 1995, S. 93; Бабенко, 2005, с. 123; Шауб, 2011, с. 133], грифонов [Клочко, 1982, с. 42], морских чудовищ [Уильямс, Огден, 1995, с. 142, 143] или морских монстров [Ustinova, 2005, р. 76]. По классификации Ю.Б. Полидовича эти существа можно отнести ко второй разновидности змеев-драконов, являющихся воплощением чудовища кетос (κέτος) и представленными изображениями на дне серебряного килика из Чмыревой Могилы и на щитке перстня из Павловского кургана [Полидович, 2014—2015, с. 192]. В целом, можно констатировать принадлежность этих «чудовищ» к кругу морских существ, что, в свою очередь, указывает на близкую сущность и данного иконографического варианта «прорастающего божества». Его «морскую» составляющую подчеркивает и доштамповка законченной композиции сценой терзания зайца орлом, заимствованной торевтом из монетных сюжетов Акрагаса, богатых также на разнообразные морские персонажи. Это, в свою очередь, дает дополнительные основания для признания правомерности упомянутого выше мнения об инокультурности² данного образа для скифского мира.

В целом, широкое привлечение художниками по металлу греческих и южноитальянских сюжетов при изготовлении предметов так называемой греко-скифской торевтики демонстрирует высокую степень интервенции в скифскую среду чужеродных изобразительных традиций.

2. Еще один из персонажей, представленных на монетах Акрагаса — Скилла (рис. 7, 7) — известен, хотя и в иной иконографии, на нескольких предметах торевтики. Скилла изображена на двух фаларах из Бабиной Могилы [Мозолевский, Полин, 2005, с. 312, 313, табл. 10] а также на золотом наушнике из кургана возле Анапы 1881 г. и нащечниках шлема из гробницы 1834 г. в Керчи [Мозолевский, Полин, 2005, с. 313; Алексинский, 2008]. Но наиболее интересно ее изображение на обломке золотой пластины из Куль-Обы (!) [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 28—33, табл. 1, 2]. И.Ю. Шаубом было высказано предположение о возможном родстве и тесной иконографической и функциональной связи Скиллы со «змееной богиней» [Шауб, 2009], которое не получило поддержки [Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 33], но в свете изложенных наблюдений его столь категорическое отрицание представляется преждевременным. М.Ю. Трейстер полагает южноитальянское происхождение сюжета фаларов из Бабиной Могилы [Трейстер, 2005, с. 505]. Возможно, подобное определение вполне справедливо по отношению к золотым пластинам из Куль-Обы и кургана № 8 песочинского могильника.

1. Близкое по морфологии существо можно видеть на костяной пластине из Гаймановой Могилы [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 727, 728], фиалах из ст. Мариинской [Журавлев, Новикова, 2012, рис. 6] и Чмыревой Могилы [Трейстер, 2009, с. 423—426, рис. 4, 2, 3, 5], бляшках из Большой Близницы [Артамонов, 1966, табл. 308], к. 1/1912 Елизаветинского могильника [Галанина, 2003, табл. I, 3], Неаполя Скифского [Київський..., 1974, табл. 59], подвесках-медальонах сережек из курганов у с. Буторы [Мелюкова, 1973, с. 413], № 3/8 у с. Тягинка на Херсонщине, № 6 у с. Марьяновка на Николаевщине [Білан, Солтис, 1998, с. 92, 95, рис. 7, 1], из «майкопского комплекса», хранящаяся в Филадельфии [Трейстер, 2009, с. 426], а также неясного происхождения из Крыма, хранящаяся в Берлине [Greifenhagen, 1970, Taf. 16, 1] и Майнца [Трейстер, 2001, с. 150].

- Алексеев А.Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. — 1987. — № 3. — С. 28—39.
- Алексинский Д.П. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи // Тр. ГЭ. — 2008. — Т. XLI. — С. 31—70.
- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. — Прага; Ленинград, 1966. — 120 с., 331 табл.
- Бабенко Л.И. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // Донская археология. — 1999. — № 2. — С. 85—90.
- Бабенко Л.И. Жіночий головний убір IV ст. до н. е. з кургану 8 біля с. Пісочин Харківської області // Археологія. — 2002. — № 4. — С. 59—69.
- Бабенко Л.И. Античный импорт в погребениях песочинского могильника // РА. — 2004. — № 3. — С. 147—159.
- Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. — Харьков, 2005. — 284 с.
- Балонов Ф.Р. Пектораль из Толстой Могилы как модель мифопоэтического пространства-времени // Элитные курганы степей Евразии. — СПб, 1994. — С. 17—22.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). — К., 2000. — 236 с.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. — К., 1983. — 138 с.
- Білан Ю.О., Солтис О.Б. Скифські кургани поблизу с. Мар'янівка на Миколаївщині // Археологія. — 1998. — № 1. — С. 82—98.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.
- Болтрик Ю.В., Трейстер М.Ю., Фіалко О.С. Импортный бронзовый сосуд із східної могили Бердянського кургану // Археологія. — 2009. — № 1. — С. 40—52.
- Буйских А.В. Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // БИ. — 2006. — Вып. XI. — С. 127—145.
- Галанина Л.К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. — 2003. — Вып. 36. — С. 89—99.
- Гуляев В.И. К 250-летию скифской археологии // РА. — 2013. — № 3. — С. 146—153.
- Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. — СПб, 1854. — Т. III. Атлас. — 86 табл., 5 с. чертеж и план, 2 л. карт.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю. Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой // Тр. ГИМ. — 2012. — Вып. 189. — С. 80—97.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. — М., 2014. — 352 с.
- Калашник Ю.П. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. — СПб, 2014. — 280 с.
- Кийський музей історичних коштовностей. — К., 1974. — 195 с.
- Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. — К., 1982. — С. 37—53.
- Королькова Е.Ф. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI—IV вв. до н. э. // Проблемы археологии. — СПб, 1998. — Вып. 4. — С. 166—177.
- Луконин В.Г. Золотой сосуд с «историей козы» из Марлика // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. — М., 1987. — С. 223—232.
- Манцевич А.П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. — 1949. — № 2. — С. 196—220.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — М., 1964. — 91 с. (САИ. — Вып. Д1-4).
- Мелюкова А.И. Раскопки курганов у с. Буторы // АО 1972 г. — М., 1973. — С. 413, 414.
- Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. — М., 1979. — 256 с.
- Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. // СА. — 1981. — № 4. — С. 46—69.
- Мозолевський Б.М. Товста Могила. — К., 1979. — 251 с.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005. — 600 с., 24 табл. + цв. илл.
- Носков Н.М. Основы этологии. — Горький, 1973. — 256 с.
- ОАК за 1892 год. — СПб, 1894. — 173 с.
- Онайко Н.А. Античный импорт в Приднесторенье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — М., 1970. — 212 с. (САИ. — Вып. Д1-27).
- Онайко Н.А. О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Поднепровья // СА. — 1982. — № 4. — С. 248—260.
- Полидович Ю.Б. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира // Донецкий археологичний збірник. — 2014—2015. — № 18—19. — С. 149—201.
- Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. — М., 2005. — С. 425—436.
- Полин С.В. О некоторых монетных типах скифских золотых нашивных бляшек // ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка. — Севастополь, 2016. — С. 67—73.
- Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. — М., 1985. — 256 с.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. — Л., 1925. — 621 с.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. — 1959. — № 69. — С. 5—107.
- Скржинская М.В. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. — К., 2010. — 324 с.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Императорской Археологической Комиссии ко дню 50-летия ее деятельности. — СПб, 1909. — 18 с.+130 табл.
- Стоянов Р.В. Rankenfrau с маской Силена: к вопросу о контексте находок // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар, 2013. — С. 128—133.
- Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. — СПб, 1889. — Вып. 2: Древности скифо-сарматские. — 162 с.
- Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. — М.; Л., 1940. — 178 с., 50 табл.

Трейстер М.Ю. Серебряный рельеф с образом «Rankenfrau» из Крыма // Херсонесский сборник. — 2001. — Вып. XI — С. 149—154.

Трейстер М.Ю. Об изделиях торевтики и из скифского кургана Бабина Могила // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). — К., 2005. — С. 503—512.

Трейстер М.Ю. Серебряные сосуды из тайника Чмыревой Могилы // Древности Боспора. — 2009. — Вып. 13. — С. 414—460.

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V—IV века до н. э. — СПб, 1995. — 272 с.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.). — СПб, 2007. — 484 с.

Шауб И.Ю. О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. — СПб, 2009. — С. 276—280.

Шауб И.Ю. Морские монстры в религиозно-мифологических представлениях боспорян и скифов // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. — СПб, 2011. — С. 131—137.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до нашей эры. — М., 1956. — 220 с., IX табл.

A Catalogue of Greek Coins in the British Museum. — London, 1876. — Vol. II: Sicily. — 292 p.

Gebauer J. Rankengedanken — zum Pektoral aus der Tolstaja Mogila // Zur graeco-skythischen Kunst: Archäologisches Kolloquium (Münster, 24.—26. November 1995). — Münster, 1997. — S. 147—160.

Greifenhagen A. Schmuck arbeiten in Edelmetall. — Berlin, 1970. — Bd. 1. — 102 S., 74 Taf.

Jacobson E. The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world. Handbook Of Oriental Studies. — Leiden; New York, Vol. 2. — 1995. — XVIII, 305 p.

Kurochkin G.N. Archaeological search for the Near Eastern Aryans and the royal cemetery of Marlik in northern Iran // Academiae Scientiarum Fennicae: Series B. — 1993. — Vol. 1 (271). — P. 389—395.

Michel S. Der Fisch in der skythischen Kunst: Zur Deutung skythischer Bildinhalte. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1995. — 274 S.

Pfrommer M. Grossgriechischer und mittelitalischer Einfluss in der Rankenornamentik frühhellenistischer Zeit // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. — 1982. — Bd. 97. — S. 119—190.

Piotrowsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. — Leningrad, 1986. — 182 p.

Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blisniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. — 1996. — Bd. 111. — S. 105—137.

Ustinova Y. Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first. — Exeter, 2005. — P. 64—79.

Электрон. ресурс; режим доступа: <https://www.cng-coins.com>.

Электрон. ресурс; режим доступа: <https://www.hermitagemuseum.org>.

Электрон. ресурс; режим доступа: <http://www.met-museum.org>.

Электрон. ресурс; режим доступа: <http://www.wild-winds.com>.

Л.И. Бабенко

ДВА МОНЕТНИХ СЮЖЕТА НА ВИРОБАХ ГРЕКО-СКІФСЬКОЇ ТОРЕВТИКИ

Характерною рисою греко-скифської торевтики є широке запозичення майстрами для прикрашення своїх виробів різноманітних монетних образів та сюжетів.

Коло подібних запозичень можна доповнити ще двома випадками. Перший репрезентований сценою годування теляти коровою на пекторалі з Товстої Могили. Подібний сюжет знаходить найближчу хронологічну та культурну відповідність саме на низці давньогрецьких монет. Вперше монети з зображенням аналогічної сцени почали карбувати на Керкірі (Корфу) ще з VI ст. до н. е. А з V ст. до н. е. цей сюжет почали використовувати і при карбуванні монет Аполлонії, Діррахії та Карістоса.

Другий випадок представлений сценою шматування зайця хижим птахом на двох золотих пластинах від головного убору з кургану № 8 Пісочинського могильника. Сцена є майже буквальною реплікою зображення на серії монет, що карбувалися у останній чверті V ст. до н. е. — на початку IV ст. до н. е. у Акрагасі на Сицилії.

Широке залучення майстрами сюжетів з сучасної грецької та південноіталійської середовища при виготовленні предметів так званої греко-скифської торевтики демонструє високу ступінь інтервенції у скифське середовище чужорідних образотворчих традицій.

Ключові слова: скифи, торевтика, пектораль з Товстої Могили, давньогрецькі монети, пісочинський могильник.

L.I. Babenko

TWO MONETARY PLOTS ON HANDIWORK OF GREEK- SCYTHIAN TOREUTICS

The particular feature of Greek-Scythian toreutics is the masters' widespread borrowing for decoration of their handiwork of different monetary images and plots.

The range of these borrowings can be supplied with two more cases. The first one is represented by the scene of a cow feeding its calf on the pectoral from Tovsta Mohyla. The similar plot is the closest in chronological and cultural way to the Ancient Greek coins. For the first time the coins representing the similar scene were minted on Corfu starting from the 6th century BC. And since the 5th century people start using this plot during minting coins of Apollonia, Dyrrhachium and Karystos. The second case is represented by the scene of varmint butchering the hare; that was depicted on two golden plates of the headwear from the barrow 8 of Pischyn burial mound. The scene is almost a distinct replica of an image on series of coins that were minted in the last quarter of the 5th — the beginning of the 6th centuries BC. in Acragas on Sicily.

The widespread toreutic borrowings of plots from the Greek and South Italy environment during manufacturing the things of so-called — Scythian toreutics show high degree of extraneous image-making traditions intervention to the Scythian environment.

Keywords: Scythians, toreutics, pectoral from Tovsta Mohyla, Ancient Greek coins, Pischyn burial mound.

Одержано 10.02.2017